

Протоиерей Николай Балашов: Церковь — живой организм, отторгающий попытки генной модификации

— Отец Николай, необходимо ли Церкви перестраиваться под реалии современности или она должна оставаться хранительницей некой незыблемой традиции?

— А что такое «традиция» — или, по-русски, «предание»? Унаследованный нами неподвижный «депозит», или некий процесс передачи многовекового наследия? Вообще-то само латинское слово *traditio* означает именно второе, а не первое. О том же говорит и пространный православный катихизис святителя Филарета, митрополита Московского: «Под именем Священного Предания разумеется то, когда истинно верующие и чущие Бога словом и примером передают один другому, и предки потомкам, учение веры, закон Божий, таинства и священные обряды». Суть всего перечисленного не может измениться, ибо Церковь Христова всегда тождественна себе, и неизменно хранимое ею откровение. Благая весть не может «прогибаться под изменчивый мир». А вот способы передачи еще как меняются в веках! Христиане переписывали священные книги пером на пергамене, потом появилась бумага, затем придумали типографский набор, а сегодня этот процесс, конечно, не может обходиться без использования цифровых технологий. «Реалии современности» тут как тут. Ими неизбежно обусловлены и культурные формы, в которые облекается слово Церкви. Но на содержание вероучения, на принципы церковного устройства они не влияют.

В 1906 году были опубликованы четыре увесистых тома «Отзывов епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе». Там высказывались самые разные суждения русских епископов предреволюционной поры о необходимых, по их мнениям, преобразованиях в жизни Православной Церкви. Они не во всем сходились. Но в том, что изменения нужны для успеха церковной миссии — практически никто из них не сомневался.

— Чаще всего у людей возникают вопросы, почему нельзя перевести православные богослужения на современный русский язык, несколько упростить их, сделав более понятными человеку XXI века? Тем не менее, Церковь не торопится идти навстречу этим пожеланиям. Почему?

— Богослужение — это самая сердцевина церковной жизни, объединяющая всех ее участников, таких разных на самом деле. Все, что в Церкви есть, вырастает из Литургии. Это — та сфера, где

сохранение преемственности особенно важно. Вот потому Церковь «не торопится». Однако и в области богослужения, как свидетельствует история, многое со временем меняется, хотя и без скоропалительных революций. Не напрасно апостол Павел так часто сравнивает Церковь с телом. Это — живой организм. Он меняется и растет, но отторгает попытки искусственного ускорения развития посредством какой-нибудь генной модификации. Замечательный русский богослов Владимир Лосский очень хорошо сказал: «Предание есть жизнь Святого Духа в Церкви». И эта жизнь — тиха, неспешна, она неподвластна волевым экспериментам на манер «актуального искусства». В бурливом течении вод не сохраняется их драгоценная прозрачность, позволяющая взгляду проникнуть в глубину. Однако там, на глубине — не замершая раз и навсегда неподвижность, но сокровенная внутренняя жизнь.

В жизни внешней язык нынче меняется так быстро, что всякий перевод рискует оказаться «несовременным» еще прежде своего напечатания (как, в общем, и получилось в известной степени даже в сравнительно тихом XIX веке с Синодальным переводом Библии). Что вовсе не значит, будто изменения в богослужебных текстах не нужны или невозможны: в действительности они жили, «дышали» на протяжении всей истории русского христианства. Ведь язык нынешних богослужебных книг весьма заметно отличается от языка святых Кирилла и Мефодия. Однако мудрая и осмотрительная неспешность особенно важна при всяком прикосновении к словам, с которыми тесно связан дорогой верующему сердцу опыт молитвы.

Тем не менее, лично я убежден, что не менее думать и заботиться надобно и о тех, кто этот опыт лишь начинает для себя открывать. Уверен, что и сферу богослужения затронет зрелое и творческое, изнутри рождающееся развитие нашей церковной жизни, которое именно теперь, наконец, становится возможным по окончании пережитой в XX веке эпохи гонений и последовавшего затем периода, неизбежно окрашенного отчасти наивными настроениями реставрации («чтоб все стало как прежде»).

— А если, подобно католикам и протестантам, просто установить в православных храмах лавки? Ну и наконец, нередко слышны пожелания максимально сократить столь длительные церковные службы?

— Что касается лавок, я бы не спешил их отдавать лишь католикам и протестантам. И на Святой горе Афон мы видим в храмах сиденья-стасидии, которые, впрочем, куда поудобней лавок будут, а древний богослужебный чин, отраженный в нашем церковном уставе, как раз предполагает, что в известные моменты молящиеся в храме внемлют читаемому сидя. Во всяком случае, старым и немощным прихожанам лавки, которые, кстати, есть в каждом православном храме, отнюдь не противопоказаны. Как и христианкам, ожидающим материнства и носящим под сердцем драгоценное будущее Церкви.

То же и с продолжительностью богослужений: надобна разумная, зрелая мера. В монастырях эта мера одна (да и то от обители к обители бывает вовсе не одинакова), в приходских храмах, где молятся миряне — в большинстве своем работающие, семейные, воспитывающие детей — иная. «Максимально сокращать» службу незачем, ибо кто ж определит-то этот максимум? Тогда уж хоть вовсе не молись, ведь никто не неволит. Но и служить «по-афонски» в подавляющем большинстве наших приходов никто не пытается, учитывая реальные возможности мирян. То, что мы по старинке называем «всенощной», в действительности сегодня укладывается в два часа или немногим более того. И так давно уже повелось, хотя изменения эти были плавны, без радикальных скачков.

«Сердце мудрого знает и время и устав», — сказал премудрый Екклесиаст. И у Церкви этой мудрости хватит.

Беседовал М.А. Тюренок